КОГДА
ЛОМАЮТСЯ
КОПЬЯ

СЛОВО „НИСПРОВЕРГАТЕЛЮ“

МОЛОДЕЖЬ доверчива и любит острые ситуации. Кроме того, среди читателей «Молодого коммунара» много школьников и людей, далеких от филологии. Среди них, как оказалось, статья В. Ковальского под названием «Кто писал пьесы Шекспира» вызвала оживленный интерес и многочисленные вопросы (хотя, разумеется, и не полное доверие!) Поэтому мы решили высказать несколько мыслей по затронутым в статье В. Ковальского вопросам.

Повторяем—только поэтому! Иначе нам и в голову не пришло бы опровергать очередную «антишекспировскую» теорию: за последние 150 лет их появилось несколько десятков, одна другой невероятнее и вздорнее. Одна из первых «антишекспиристок» американка Делия Бэкон даже помешалась, сидя на могиле Шекспира и мечтая о том, как бы заглянуть в нее и найти подтверждение своей теории. Интересно, известен ли этот фант В. Ковальскому? Так или иначе, но он внес свой «вклад» в «антишекспировскую эпопею». В своей статье он с наивной доверчивостью излагает последнюю американскую антишекспировскую гипотезу, принадлежащую некоему профессору Кэвину Гофману, автору «марловианской» теории, согласно которой автором шекспировских пьес является драматург Кристофер Марло, современник Шекспира.

Мы не будем подробно останавливаться на очевидных несоответствиях и фактических ошибках статьи В. Ковальского. Например, неверно утверждение, что не сохранилось ни одной рукописи Шекспира. Тем, кто интересуется творчеством великого драматурга, известно, что найдена недавно пьеса «Томас Мор», в рукописи которой три страницы написаны рукой Шекспира. Это научно доказано графологической экспертизой—путем сличения с почерком Шекспира в его подлинном заещании, а также путем орфографического и стилистического сравнения этих страниц с сочинениями Шекспира. Не правда ли, уже одного этого факта достаточно, чтобы опровергнуть антишекспировские теории?

Но особенность «антишекспировских теорий» в том и заключается, что их авторы «не замечают» самых очевидных фактов, но зато избредают самые романтические, неправдоподобные, детективные истории.

Всех своих предшественников превзошел в этом отно-

шении Кэвин Гофман, который приписал пьесы Шекспира писателю Марло, который... умер в 1593 году, т. е. до того, как появилась большинство драм Шекспира.

СУЩЕСТВУЕТ ценнейший документ, свидетельствующий о том, что уже при жизни Марло актер Шекспир своими пьесами заслужил признание публики и зависть некоторых драматургов. Этим документом является сочинение драматурга Роберта Грина, которое называется «На грош ума, купленного за миллион раскаяния». Р. Грин—драматург, современник Марло и Шекспира. Как и Марло, он принадлежал к «университетским умам»—так называли в то время драматургов, окончивших университет и писавших «ученые» пьесы. Грин вел весьма беспутный образ жизни, дружил с Марло и вместе с ним склонялся к атеизму. Но вот Грин тяжело заболел, перед смертью раскаялся в своих «заблуждениях» и обратился к своим друзьям с сочинением, в котором призывал к такому же раскаянию своих старых товарищей. Грин собирает здесь и другим «университетским умам»—Томасу Нэшу, Томасу Лоджу и больше всего—к Марло, которого призывает отказаться от своего безбожия и обратиться к религии. И здесь, в этом сочинении, мы находим упоминание о Шекспире, о котором Грин, в отличие от Марло, говорит с ненавистью и бессильной злобой. Грин ненавидит Шекспира за то, что он, простой актер, «мастер на все руки», как Грин его называет, взялся не за свое дело—сочиняет пьесы и отбивает хлеб у «университетских умов». Имя Шекспира здесь не названо, но разгадать его трудно: Грин говорит, что этот актер вообразил себя «единственным потрясателем сцены»—это прозрачный намек на фамилию Шекспира, которая, как известно, в переводе означает «потрясатель копья».

Далее, браня Шекспира, Грин говорит, что это «человек с сердцем тигра в обличье анте́ра». Это переладка знаменитого стиха из пьесы Шекспира «Генрих VI», в которой один из героев говорит о жестокой королеве Маргарите: «О, сердце тигра в обличье женщинный!» Все это доказывает, что Шекспир был известным драматургом уже при жизни Марло и вовсе не нуждался в его помощи для того, чтобы «потрясать сцену».

Интересно отметить, что между Шекспиром и его старшим современником Марло существовали своеобразные

творческие отношения. Шекспир, несомненно, знал пьесы Марло и многому у него учился. Но это была учеба одного гения у другого: Шекспир стремился как бы превзойти своего учителя, и для этого он часто обращается к сюжетам, сходным с сюжетами трагедии Марло. Исследователи давно заметили, что почти каждой из пьес Марло соответствует шекспировская пьеса, близкая по типу героя и по характеру сюжета: «Тамерлан» Марло—«Ричард III» Шекспира, «Эдуард II» Марло—«Ричард II» Шекспира, «Мальтийский еврей» Марло—«Венецианский купец» Шекспира. Выбирая сходную тему, Шекспир как бы состязается со своим предшественником, разрешая ее иначе и, как правило, более широко, реалистично и гуманно. Если бы, действительно, названные выше шекспировские пьесы были написаны Марло, то непонятно, зачем ему, человеку талантливому и полному фантазией, понадобилось повторять свои собственные сюжеты?

Одним из доводов Гофмана в пользу авторства Марло является то, что во многих пьесах Шекспира действие происходит в Италии. Причем особенности природы и быта этой страны переданы в них очень ярко, хотя, как известно, Шекспир в Италии никогда не был. Другое дело Марло! Гофман считает, что—после своей «смерти» он мог бежать в Италию. Неужели Шекспиру,—спрашивает Ковальский,—было достаточно книг и чужих рассказов для мастерского воспроизведения итальянской жизни? Да, мы считаем, что этого было достаточно. В Англии времен Шекспира были очень популярные книги вопросов и ответов, из которых можно было узнать о жизни в других странах. В эпоху Возрождения издавалось также большое количество географических сочинений. Известно, что Шекспир бывал в домах английских аристократов, где мог видеть итальянские статуи и картины, слышать рассказы очевидцев, побывавших в Италии. Для гения, обладавшего шекспировской фантазией, этого было вполне достаточно. И, наконец, приведем один, на наш взгляд, неопровержимый довод, свидетельствующий о том, что автор шекспировских пьес в Италии не был: герой пьесы «Два веронца» Валентин едет из Вероны в Милан морским путем; Просперо в «Буре» садится на корабль в миланской «гавани». Каждый, кто был в Италии или хотя бы изучал карту этой страны, знает, что и Верона, и Милан находятся в глубине Аппенинского полуострова, далеко от берега моря. Такой ошибки не мог сделать человек, побывавший в Италии или учившийся в уни-

верситете, как Марло. Ее сделал Шекспир, не получивший университетского образования и к тому же мало заботившийся вообще о внешнем правдоподобии—главным для него были мысли и страсти людей. ОДИН из доводов К. Гофмана заключается в том, что по свидетельству современников, рукописи Шекспира были очень чисты, почти без помарок и зачеркиваний.

«Так никогда не бывает»,—решительно пишет В. Ковальский, а следовательно, делается вывод, пьесы не были написаны Шекспиром, а пересылались ему уже переписанными набедел. А может быть, все-таки так бывает? Можно ли во всем писателям, а тем более—к гениям подходить с одной меркой? Бен Джонсон, друг Шекспира, близко наблюдавший его творческий процесс, вспоминает, что Шекспир писал «с такой легкостью, что его следовало по временам останавливать». Причем, Джонсон не восхваляет это качество своего друга, а считает его недостатком—ему казалось, что эта легкость и быстрота и обуславливают наличие исторических, географических и других ошибок в пьесах Шекспира, которые ученый Джонсон считал недопустимыми. Отметим, что те 147 строк, которые собственноручно вписаны Шекспиром в рукопись пьесы «Томас Мор» (об этом уже говорилось выше) тоже написаны как бы одним духом, без исправлений и зачеркиваний—а ведь это не беловой экземпляр, а рабочий черновик. Такова особенность работы Шекспира. Мы знаем и других творцов, которые в основном в уме совершали всю подготовительную работу и потом записывали сочиненное очень легко и быстро, почти без исправлений. Так писал, например, Моцарт и некоторые другие писатели и музыканты.

И, наконец, мы обязаны опровергнуть голословное утверждение В. Ковальского, разделяемое всеми вообще «антишекспиристами» (что «фигура Шекспира-актера как-то не сочетается... с фигурой Шекспира-драматурга и Шекспира-поэта»). В. Ковальский вслед за К. Гофманом считает, например, что трагическое содержание сонетов не соответствует личности Шекспира. Ведь в сонетах рассказывается о каком-то обмане, отчаянии, опасениях, гнетущих поэта. Что, дескать, могут значить эти строки в устах анте́ра Шекспира, спокойно живущего в Лондоне? И как подходят все эти переживания к фигуре Марло-изгнанника! Как будто для того, чтобы быть обманутым, оклеветанным, разувериться в своих надеждах, усомниться в верности друга и любимой (а именно об этом идет речь в сонетах) нужно не-

пременно быть мнимо убитым и изгнанным в Италию! Нет, сонеты написаны не поэтом Спенсером, не философом Бэконом, не королевой Елизаветой и не Кристофером Марло! Их написал актер и драматург Вильям Шекспир. Посмотрите, как часто упоминаются в сонетах сцена, театр, актерское ремесло (сонеты 23, 11, 111). Интересно, что отзвук театральных занятий автора часто мы встречаем и в пьесах Шекспира. Вспомните, как Гамлет преподает актерам правила сценической игры. Там же в «Гамлете» рассказывается о соперничестве взрослых театров и детских театральных трупп—эта борьба, конечно, живо волновала актера и соваладельца театра «Глобус» Шекспира. Но вряд ли она могла быть интересна уехавшему в Италию Марло.

В одной из пьес Шекспира есть герой, протак и глупец, по имени Вильям (комедия «Как вам это понравится»). Гофман, считающий Марло автором этой, как и других пьес, утверждает, что это свидетельствует о желании Марло сорвать маску с Вильяма Шекспира, который, де, не по заслугам пользовался чужой славой. Этот «довод» нелеп до смешного. Вильям—одно из самых распространенных английских имен, а в шекспировских пьесах—несколько сотен героев, почему бы одному из них (неважно, какому!) не оказаться Вильямом? А вот в сонетах, где поэт говорит от своего лица и о своих собственных переживаниях, мы, действительно, находим веское доказательство. Два сонета (135 и 136) построены на обыгрывании двойного значения слова «Вилья», что означает по-английски «желание», а также уменьшительную форму мужского имени «Вильям», «Недаром имя, данное мне, значит «Желание» (Вилья),—так начинается 135 сонет. А 136 кончается так: «Ты полблизко сперва мое прозвание, тогда меня полюбишь, я—желанье!» А теперь остается только вспомнить, что Вильямом зовут актера Шекспира, а вовсе не «изгнанника» Марло.

На этом можно закончить разбор «доказательства» Гофмана. В конце своей статьи В. Ковальский пишет, что никому «нельзя отказывать в праве выдвигать гипотезы и стараться обосновывать их». Это верно, конечно. Но «гипотезы», затрагивающие такие священные вещи, как дорожное для миллионов имя гениального поэта, должны обосновываться тщательно, научно и главное—честно.

Т. МАКАРОВА,
преподаватель зарубежной литературы ТГПИ им. Л. Н. Толстого.

МОЛОДОЙ КОММУНАР
Г. Тула
21 ЯНВ 1962